

зами Толстого, не чувствуетъ большого расположенія къ Аннѣ Карениной. Она выиграла бы въ его оцѣнкѣ, если бы не бросила сына, осталась съ нелюбимымъ мужемъ, поборолла страсть къ Вронскому при самомъ ея зарожденіи и жила до конца своихъ дней, со святымъ утѣшающимъ сознаніемъ исполненнаго долга. Но такой читатель легко и даже охотно извиняетъ Анну, понимая сложность жизненныхъ отношеній и силу, съ какою любовь способна овладѣвать душою. Человѣкъ, склонный къ суровой оцѣнкѣ жизни, какую мы привыкли находить у Толстого, можетъ, все-таки, испытывать удовольствіе при чтеніи того, какъ охотился Левинъ: читатель понимаетъ, что охота является пустою и суетною забавой, но онъ понимаетъ также, что природа человѣка требуетъ отдыха и развлеченія, и что, въ качествѣ такового, охота, разъ она не сдѣлалась преобладающей страстью, не хуже многихъ другихъ забавъ. Онъ скажетъ, что это удовольствіе не только можетъ быть терпимо, но и способно уживаться въ человѣкѣ съ самыми добрыми и возвышенными душевными влеченіями. Кто не требуетъ, чтобы жизнь удовлетворяла и потребность въ красотѣ, тотъ не будетъ увлеченъ роскошно убраннымъ столомъ княгини Тверской, какъ его изображаетъ Толстой; онъ подумаетъ даже съ негодованіемъ о роскоши, доступной немногимъ, при убожествѣ огромнаго большинства. Но онъ согласится, что обстановка въ домахъ богачей можетъ быть красива, можетъ отвѣчать чувству изящнаго, которое заложено въ нашей природѣ очень глубоко; онъ скажетъ, что странно, несообразно отвергать, какъ негодное, большую часть вещей, которыя принято считать красивыми. Слѣдя за Бородинскимъ боемъ, читатель можетъ съ сокрушеннымъ сердцемъ думать о войнахъ, объ озвѣреніи, до котораго доходятъ люди, когда столкнулись на полѣ брани, о гибели тѣхъ, чья жизнь могла бы быть наполнена добрыми дѣлами; онъ можетъ относиться съ неутрахающею ненавистью къ честолюбію властителей, которое часто ведетъ народы на бойню. Но онъ сознаетъ, что разъ внѣшній врагъ вступилъ въ предѣлы страны, то приходится отражать его не слезами, не убѣжденіями, не уступкой земли, а силою оружія; онъ понимаетъ, что войны, побѣжденные или побѣдители, никоимъ образомъ не должны быть приравнены къ уголовнымъ убійцамъ изъ-за угла или открыто, на большой дорогѣ.

Для созданія своихъ художественныхъ произведеній перваго періода Толстой учится у самой жизни; онъ улавливаетъ ея движенія съ несравненной остротой и развертываетъ ее передъ читателями съ рѣдкимъ, исключительнымъ мастерствомъ. Онъ неизмѣнно остается реалистомъ. Его романы не только являются источникомъ наслажденія для всѣхъ, кто читаетъ ихъ, но имѣютъ и высокое воспитательное значеніе. Они даютъ жизнь такую, какъ она есть. Рука мастера ведетъ читателя по этому обширному міру, не навязывая ему ничего; авторъ незамѣтно пріучаетъ читателя любить добро и относиться съ негодованіемъ къ уродливымъ явленіямъ дѣйствительности.

II.

Во вторую половину своей писательской дѣятельности Толстой становится утопистомъ. Поскольку онъ и въ эти годы творить, какъ художникъ, старинныя связи съ жизнью воскресаютъ, овладѣваютъ всѣмъ его существомъ и позволяютъ создавать произведенія, которыя, по силѣ художественнаго чувства, не уступаютъ иногда произведеніямъ перваго періода. Но это—лишь отзвукъ стараго. Во второмъ періодѣ онъ, обыкновенно, не хочетъ знать жизнь такую, какъ она есть, не хочетъ изъ безконечнаго разнообразія явленій выдѣлать то, что создано человѣчествомъ къ его благу, и негодовать только на преграды и путы, которыя препятствуютъ дальнѣйшему усовершенствованію людей. Въ этомъ періодѣ онъ готовъ смести живого человѣка съ лица земли; онъ создаетъ новый типъ. Упрощая людей, онъ полонъ пренебреженія во всему, что выработано долгою